

А. К. МАТВЕЕВ (Свердловск)

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. VIII

21. *хид-*, *хиж-*, *хищ-*; *хит-*

Хид I, луг (Карг.), *Хид* II, луг (Он.), *Хид* III, скала на берегу р. Кодина (Он.), *Хидгора* I (Пин.), *Хидгора* II (Пл.), *Хиднема*, поле (Он.), *Хиднов*, остров в оз. Лужное (Нянд.), *Хидный*, ручей (Нянд.), *Хидова*, ручей (Шенк.), *Хидовка*, поле (Он.), *Хидовки*, урочище (Карг.), *Хидово* I, болото (В-Т), *Хидово* II, поле (Нянд.), *Хидозеро* (Холм.).

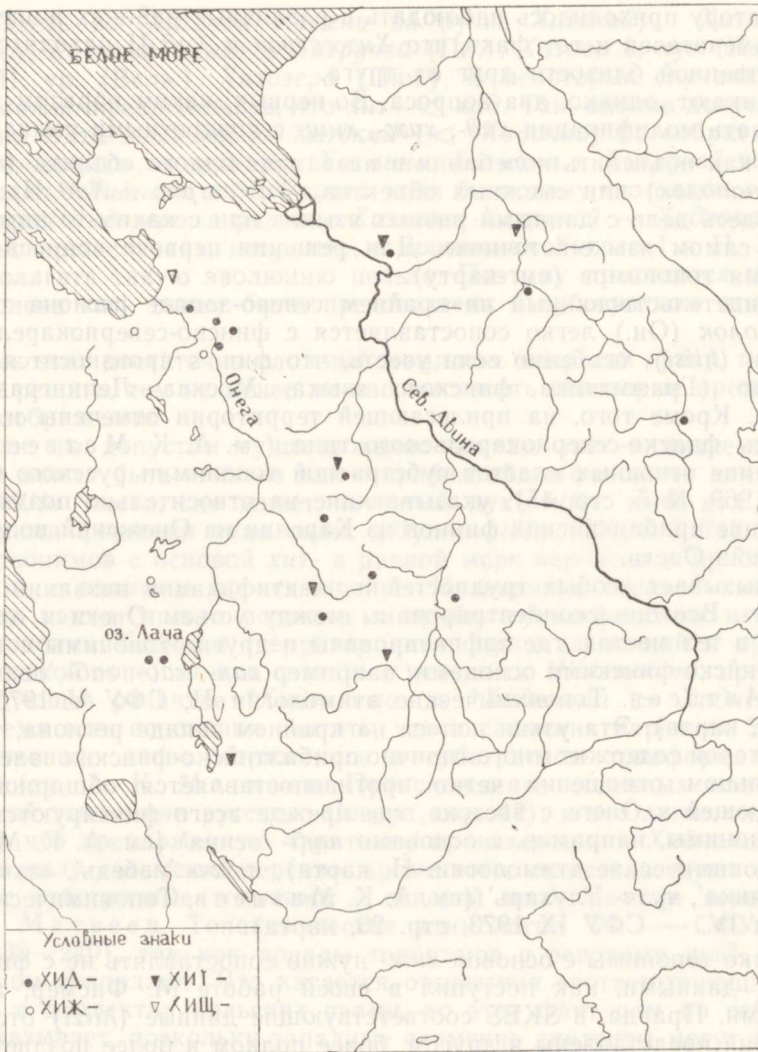
Хижгора, *Хижлахта* (залив), *Хижозеро* — все три объекта рядом (Карг.), *Хижостров*, остров в р. Онега (Он.), *Хижнема*, ур. (Он.).

Хищнаволок, луг (Он.).

Названия *Хижезеро*, *Хижозеро* на территории бывшей Олонецкой губернии еще М. Фасмер сопоставлял с фин. *hiisi* 'злой дух, леший' и гидронимом *Hiisijärvi* (M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften XVIII, Berlin 1934, стр. 400, 408).

В. Ниссиля, анализируя людиковский топоним *hidniem*, тоже связывает это название с *hiisi* (*hiden*), которое не засвидетельствовано в людиковской и вепсской апеллятивной лексике, но часто встречается в топонимике: *hižärvi*, *hižiniemi*, *hižouara*, *hiždärv*, *hižgär* и т. п. (V. Nissilä, Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes, Helsinki 1967 (MSFOu 144), стр. 21—22). Там же (стр. 21) приводятся и зафиксированные в русских источниках названия населенного пункта *hidniem*: «Дер. на Гиже наволоке», «Поч. на Гижене наволоке» (Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг., Ленинград 1930, стр. 87, 88).

М. Коски специально исследовал вопрос о фин. *hiisi* и его соответствиях в других прибалтийско-финских языках (M. Koski, Itämerensuomalaisen kielten hiisi-sanue. Semanttinen tutkimus I. Turku 1967. Turun Yliopiston Julkaisuja. Sarja C. Osa 5). В его труде приводится множество эстонских и финских топонимов и апеллятивных сочетаний, содержащих это слово в различных фонетических и семантических вариантах (см. соответственно стр. 50—79 и 119—168), а также небольшой перечень названий, относящихся к карело-ливвиковской, людиковской, вепсской, ижорской и водской территориям (стр. 227—230). Ср. извлеченные из этого перечня особенно важные для нас в силу территориальной смежности с русским Севером и фонетической близости к приведенным выше субстратным названиям карело-ливвиковские топонимы (стр.

227—228): *Hiišlahti, Hiižžärvi, Hiižžärvi, Hiižiniemi, Hiižärv* ~ *Hiižidärv, Hiižniemi, Hiižarvi, Hiiživehkarvi*.

Все эти факты, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что и субстратные названия с основами *хид-*, *хиж-*, *хищ-*, зафиксированные на территории русского Севера, следует сопоставить с прибалтийско-финскими и саамскими лексическими данными, а именно с фин. и кар. *hiisi* (род. *hiiden*), ливвик. *hiiši* 'языческое жертвенное место, лесок, высота; отдаленное страшное плохое место; злой дух, леший; страшный великан', эст. *hiis* (род. *hiie*) 'священная роща', *hiid* (род. *hiiu*) 'великан', саам. (< фин.) (Луле) *hiit'a*, саамН *hiidá*, (Инари) *hiida* 'злой дух, бес, черт' (SKES I 74).

Некоторые данные изучения реалий и их окружения подтверждают эту этимологию. О скале *Хид*, которая возвышается на берегу р. Кодины, информант сказал: «камень большой, страшный такой». *Хидгора II* (на берегу р. Мехреньга) характеризуется как «плохое, неудобное место». К тому же около нее находится остров *Чёртов*. Высокая (для тех мест), заросшая густым еловым лесом и довольно мрачная *Хижгора* удивительно напоминает многочисленные *Бесовы* и *Чертовы горы*, ко-

торые автору приходилось наблюдать в различных районах нашей страны. Примечателен и тот факт, что *Хижестров* и *Хид II* находятся в непосредственной близости друг от друга.

Возникают, однако, два вопроса. Во-первых, каким образом идентифицировать модификации *хид-*, *хиж-*, *хищ-* с конкретными языками. Во-вторых, как объяснить колебания в названиях одного объекта (*hidniem* и *Гиж наволок*) или смежных объектов (*Хижестров* и *Хид II*): имеем ли мы здесь дело с данными разных языков или с каким-то варьированием в самом языке-источнике. Для решения первого вопроса важна география топонимов (см. карту).

Засвидетельствованный на крайнем северо-западе региона топоним *Хищнаволок* (Он.) легко сопоставляется с финско-севернокарельскими данными (*hiisi*), особенно если учесть, что фин. *s* произносится слегка шепеляво (Грамматика финского языка, Москва—Ленинград 1958, стр. 22). Кроме того, на прилегающей территории отмечены и другие топонимы финско-севернокарельского типа (см. А. К. Матвеев, Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера. — ВЯ 1969, № 5, стр. 45), указывающие на относительно позднее проникновение прибалтийских финнов из Карелии на Онежский полуостров и в бассейн Онеги.

Не вызывает особых трудностей и идентификация названий с основой *хиж-*. Все они сконцентрированы между устьем Онеги и оз. Лача, как раз в тех местах, где зафиксированы и другие топонимы с типично прибалтийско-финскими основами, например *хан-*, *хаб-*, *габ-* 'осина' (см. А. К. Матвеев, Топонимические этимологии II, СФУ V 1970, № 2, стр. 138, карта). Эта узкая полоса на крайнем западе региона, топонимика которой содержит много типично прибалтийско-финских элементов, в ареальном отношении четко противопоставляется обширной зоне, прилегающей к Онеге с востока, где прежде всего фиксируются саамские топонимы, например, с основами *шуб-* 'осина' (см. А. К. Матвеев, Топонимические этимологии. II, карта), *нюхч-* 'лебедь', *чехч-* 'осенняя стоянка', *чухч-* 'глухарь' (см. А. К. Матвеев, Топонимические этимологии IV. — СФУ IX 1973, стр. 26, карта).

Однако топонимы с основой *хиж-* нужно сопоставлять не с финскими (*suomi*) данными, как поступил в своей работе М. Фасмер, а с карельскими. Правда, в SKES соответствующие данные (*hiizi*) отсутствуют, но они представлены в другом, более полном и более позднем своде карельской лексики (*Karjalan kielen sanakirja I, Helsinki 1968 (LSFOu XVI₁)*, стр. 264). Ср. также уже приведенные карело-ливвиковские топонимы из перечня М. Коски.

Наибольшую сложность представляет интерпретация многочисленных топонимов с основой *хид-*, хотя фонетический облик этого варианта как раз соответствует большинству прибалтийско-финских и саамских данных (ср. фин. *hiisi*, род. *hiiden*; эст. *hiid*; саамН *hiidâ* и т. п.).

Дело в том, что основа *хид-* характерна для саамской топонимической зоны (см. карты в указанных статьях автора). Поэтому названия с этой основой следовало бы считать саамскими, сопоставляя с саамН *hiidâ*, (Инари) *hiida*. Но это предположение связано с рядом трудностей. Во-первых, аналогичные факты не засвидетельствованы в саамских диалектах Кольского полуострова. Во-вторых, саамН *hiidâ*, (Инари) *hiida* считаются заимствованиями из финского языка (SKES I 74). В-третьих, прибалтийско-финские данные (*hiisi* и т. п.) сравниваются, хотя и не без сомнения, с саамН *siidâ*, кольск. *sijt* 'саамская деревня' (SKES I 74).

Наконец, проблема еще более усложняется из-за наличия на той же территории целой серии названий с основой *хит-* (см. карту): *Хита*,

луг (здесь же *Хитской Камень* на ручье *Хитской*), *Хитмина*, луг (Холм.), *Хитнема* (мыс) и *Хитручей* (Пл.), *Хитово I*, луг (Нянд.), *Хитово II*, ур. (Вель.), *Хитозеро* (Пин.). В некоторых случаях, разумеется, можно предположить, что *хит-* < *хид*. Так, вполне допустимо, что топоним *Хита* извлечен из *Хитский* (< **Хидский*) по «обратному словообразованию», а названия *Хитмина*, *Хитнема* и *Хитручей* восходят к **Хидмина*, **Хиднема* и **Хидручей*, хотя бы потому что рядом с *Хитмина* находится *Хидозеро*, а рядом с *Хитнема*, *Хитручей* — *Хидгора II*.¹ Однако во всех случаях, например, в топонимах *Хитово I* и *II*, *Хитозеро*, предполагать такую эволюцию нельзя. Поэтому приходится допустить, что основа *хит-* также была представлена в субстратном языке-источнике.

Весь этот достаточно сложный комплекс вопросов сразу, по-видимому, не решить, тем не менее можно высказать некоторые предварительные соображения.

Если мы допустим существование основы *хит-* в языке-источнике, то она может быть связана как с прибалтийско-финскими данными, ср. фин. *hiitto* 'место, где живет нечистый дух', *hitto* 'злой дух', так и с саамскими формами типа саам. (Луле) *hiita* (SKES I 74). Поэтому для топонимов с основой *хит-* в равной мере вероятно и прибалтийско-финское и саамское происхождение. Названия с основой *хид-* в ряде случаев также можно возвести к прибалтийско-финским источникам. Так, топоним *Хиднема* (территориально принадлежащий к прибалтийско-финской зоне) можно связать с исходным *Hiidenniemi*, предполагая последующее развитие **Хиденнема* > **Хидннема* > *Хиднема*. В то же время есть основания считать, что в саамских наречиях Заволочья существовало слово, отраженное в субстратном топониме *-нема* 'мыс' (см. А. К. Матвеев, Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера, стр. 47), и это легко опровергает только что предложенную трактовку происхождения *Хиднема*.

В пользу «саамской версии», кроме того, свидетельствуют многочисленные субстратные топонимы с основой *шид-* 'зимняя деревня' (см. А. К. Матвеев, Топонимические этимологии VI. — СФУ X 1974, стр. 239—240), так как ареалы топонимов с основами *шид-* и *хид-* в основном совпадают. Что касается отсутствия соответствующих параллелей в диалектах кольских саами, то этот факт сам по себе ничего не доказывает, поскольку западные саамские диалекты могут сохранять черты, утраченные восточными. Нисколько не препятствуют гипотезе о том, что топонимы с основой *хид-* саамского происхождения, и довольно убедительное мнение о заимствовании саамских форм из финского языка (точнее было бы, из прибалтийско-финских источников) и предположение о генетической связи между фин. *hiisi* и саам. *sivdá*. Приходится только допустить, что и в диалектах заволочских саами представлены финские заимствования.

Таким образом, с уверенностью ответить на вопрос, каково происхождение субстратных топонимов с основами *хид-* и *хит-* — прибалтийско-финское, саамское или как то, так и другое — пока невозможно, хотя данные лингвистической географии недвусмысленно свидетельствуют в пользу саамской принадлежности этой группы названий.

Что касается параллельных форм с основами *хит-* и *хид-* в названиях одного и того же или смежных объектов, то здесь можно предполагать параллельное употребление номинативной и генитивной конструкций в языке-источнике (ср. *Hiisijärvi*, но *Hiidenjärvi*), сосуществование двух разноязычных форм (скажем, карельской и какой-либо другой

¹ Впрочем, с равным правом можно предполагать, что *Хидгора II* восходит к **Хитгора*.

прибалтийско-финской или прибалтийско-финской и саамской), наконец, воздействие многочисленных топонимов с этими популярными основами, уже освоенных русским языком.

Значение апеллятивов, от которых образованы субстратные основы *хид-*, *хиж-*, *хищ-*, *хит-*, в настоящее время точно установить невозможно, но в топонимах они несомненно указывали на культовое значение места или на «нечистую силу». Так или иначе, зона распространения этого прибалтийско-финско-саамского слова в прошлом была значительно шире территории современного обитания прибалтийских финнов.

Сокращения названий районов

Архангельской области: Вель. — Вельский, В-Т — Верхне-Тоемский, Карг. — Каргопольский, Нянд. — Няндомский, Он. — Онежский, Пин. — Пинежский, Пл. — Плещеецкий, Холм. — Холмогорский, Шенк. — Шенкурский.

Вологодской области: Вож. — Вожегодский.

А. К. MATVEJEV (Sverdlovsk)

TOPONYMIC ETYMOLOGIES. VIII

It is maintained that the North-Russian toponymic terms with the stem *хиж-*, *хищ-* take their origin from Finnic (Karelian) sources and toponymic terms with the stem *хид-*, *хит-* from Finnic or Lappish sources.